

Леонид Вересов, исследователь жизни и творчества Николая Рубцова, продолжает свои поиски. В сфере его интересов не только сам Николай Михайлович Рубцов, но и окружение поэта - его родные, друзья, знакомые. Такие исследования и находки дают возможность еще глубже заглянуть в «творческую лабораторию» поэта, попытаться понять истоки творчества... Сегодня мы публикуем новый материал Леонида Вересова, новую находку в рубцоведедении...

У поэта Николая Рубцова было два родных брата. Судьба старшего, Альберта, теперь достаточно хорошо известна и, что самое главное, документально подтверждена. А вот о младшем - Борисе - и до сих пор мало что известно.

Поиском двух братьев поэта Н. М. Рубцова занимался еще в двадцатом столетии В. С. Белков. Он в своих книгах помещал обращения с просьбой помочь в поисках, а также писал письма по последнему адресу Бориса. Этот адрес и сейчас можно отыскать в записной книжке Н. М. Рубцова, которая хранится в Государственном архиве Вологодской области. (Если быть точнее, в записной книжке поэта существуют две записи, касающиеся адреса Бориса Рубцова. Они и послужили основой для поисков Вячеслава Белкова и, позднее, автора данного материала).

Будучи знакомым со старшей сестрой поэта Г. М. Шведовой (Рубцовой), проживавшей в городе Череповце, автор этих строк также спрашивал ее о Борисе, но Галина Михайловна повторяла уже известное. Вот слова Г. М. Шведовой из воспоминаний, записанных в 1996 году. «А Борю из Краскова (из Красковского детского дома) привезли к нам (возможно, сначала в Вохтогу, потом в Вологду), так как отец был живой. Боря все время жаловался. Приезжала тетя Шура и увезла его в Мурманск. Теперь тетя Шура умерла, и дальнейшая судьба Бори неизвестна».

Единственная на сегодняшний день достоверная фотография Бориса Рубцова, видимо, происходит из второй семьи отца поэта и чудом сохранилась у Г. М. Шведовой (Рубцовой).

Галина Михайловна довольно неясно рассказывала о письме от Бориса и о том, что он умер от болезни в середине 60-х годов.

Сводный брат поэта Алексей Рубцов рассказал много подробностей о семье Рубцовых и своем сводном брате Николае. Разговаривали мы и о судьбе Бориса Рубцова. Алексей припомнил ряд интересных моментов, связанных с ним. Например: Александра Андриановна, сестра отца поэта, брала маленького Бориса на Север, в город Никель. Но после нескольких лет она с ним возвратилась в Вологду. Борис учился в школе рабочей молодежи на ул. Чернышевского, 1. До армии около года работал на ВПВРЗ. Ушел в армию примерно в 1955-56 годах. По воспоминаниям Алексея, из армии в Вологду не возвращался. Но Н. М. Щербинина, двоюродная сестра Н. Рубцова, вспоминает: «Около 58-го года пришел из армии Борис. Он пришел с лишаем, лежал здесь в лазарете. Возможно, это был отпуск из армии, или Борис заезжал на очень короткий срок».

К сожалению, Алексей Рубцов умер в 2014 году и уточнить приведенные им факты уже невозможно. Остался один путь - запросы в архивы. Но ответы, в основном, приходили отрицательные. Судьба Бориса оставалась почти неизвестной.

Было написано письмо в газету села Успенского Краснодарского края с просьбой к предстоящему 80-летию поэта Рубцова попытаться узнать что-либо о судьбе его младшего брата, жившего, когда-то, в этих местах. Письмо было опубликовано в газете «Рассвет» Успенского района Краснодарского края. Через несколько месяцев из газеты пришел также неутешительный ответ: «Никаких документов и следов пребывания Бориса Рубцова в Успенском не обнаружено».

Судьба Бориса никак не хотела

привязываться к проверенным фактам и документам. Вроде бы, поиск был закончен и доведен до общепризнанного отрицательного результата. Но, зная о прекрасных людях, работающих в библиотеках и музеях, я решил использовать и этот шанс. Я написал письмо директору центральной межпоселенческой библиотеки Н. А. Седушковой и однажды вечером и был вознагражден за упорство телефонным звонком...

Звонила работница библиотеки Татьяна Николаевна Олейникова из села Успенского. Оказалось, что Борис Рубцов и ее свекор Дмитрий Тимофеевич Олейников ехали вместе после совместной служ-

живающих корабли. Именно на берегу Дмитрий и познакомился с Борисом Рубцовым. По словам Дмитрия Олейникова, Борис призывался на СФ из Вологды, что оказалось неточным фактом. Но вот нельзя не поверить тому, что Борис приехал на флот с гармошкой и был заядлым гармонистом. Борис научился хорошо играть на баяне и гармошке еще на гражданке. И однажды в увольнении друзья приобрели дорогостоящий музыкальный инструмент - баян. Своих денег 800 рублей (по новому курсу после 1961 года - 80 рублей) Борису не хватило, и Дмитрий добавил изрядную сумму. С этим баяном Борис и поехал в Краснодарский край.

После демобилизации друзья

стры Надежды. Да и мать семьи, по некоторым данным, пела в церковном хоре. Отец Михаил Андрианович имел патефон, любил слушать пластинки и петь.

Борис Рубцов почти ничего не рассказывал Дмитрию Олейникову о семье, не принято было это тогда. О том, что его брат Николай пишет стихи, Борис вряд ли и знал. Более того, видимо, они даже не знали, что служили одновременно, в одни и те же годы на Северном флоте...

А вскоре баянист Дома культуры Борис Рубцов заболел туберкулезом, был госпитализирован и после прохождения курса лечения от военкомата был отправлен в санаторий...

Д. Т. Олейников после отъезда

Леонид ВЕРЕСОВ

Младший брат поэта Николая Рубцова. Документальные свидетельства

(публикуется в сокращении)

Борис Михайлович Рубцов

прямым поездом отправились на родину Дмитрия в Краснодарский край. Однако двоюродная сестра Рубцова Надежда Щербинина в воспоминаниях пишет, что Борис пришел из армии около 1958 года. «Он пришел с лишаем и лежал здесь в лазарете. Мне запомнилось, как он купил апельсин». (Этот эпизод В. Белков ошибочно приписал Николаю Рубцову). Могло такое быть? Да, если Олейников и Борис Рубцов ненадолго останавливались в Вологде.

Какое-то чувство странничества было явно присутствовало у всех троих родных братьев Рубцовых. Кстати, не избежал его и средний их сводный брат Геннадий, который пропал без следов и писем из виду своей супруги Татьяны и неизвестно до сих пор, где обретается. Попытки автора данного материала выяснить, что стало с Геннадием, пока успеха не имели.

Что это: родовой знак, примета времени, желание увидеть мир, поиски новых впечатлений?..

В селе Успенском Борис прожил не более года. Вначале, по рассказам Дмитрия Олейникова, он устроился работать на ферму на хуторе Солдатском. Отсюда и адрес в записной книжке поэта Николая Рубцова. Там же познакомился с девушкой Валей, которая так и не стала его женой. Проработал на ферме Борис немного, не более трех месяцев. Не колхозник он был, как выразился его друг Дмитрий. Борис устраивается работать баянистом (благо, баян был свой) в Дом культуры села Успенского и с успехом работает там несколько месяцев. Играл на баяне Борис весьма ловко и вдохновенно.

Надо бы прояснить вопрос о том, кто научил его так хорошо играть на баяне? Возможно, его приемный отец Федор Селин, тоже клубный работник. А вообще, музыкальность была родовой чертой семьи Рубцовых. Прекрасно играл на баяне Альберт, Николай сочинял мелодии на свои стихи, Галина прекрасно пела и руководила клубом в селе Артюшино на Вологодчине. Сохранились и сведения о выдающемся голосе рано умершей се-

Бориса в санаторий с ним более не встречался. Судя по тому, что Борис устроился работать баянистом весной 1961 года, все дальнейшие события можно отнести к осени - зиме того же года. А дату ухода его из жизни можно предположить как 1962 - 1963 год. Примерно так ее определяла и Г. М. Шведова (Рубцова).

...И вот тут случилось чудо в нашем литературном исследовании. Пришло письмо из Центрального военно-морского архива. Письмо было долгожданным и содержало документы, касающиеся младшего брата Н. М. Рубцова - архивную справку и архивную копию учетно-послужной карточки Рубцова Бориса Михайловича, 1937 года рождения...

Теперь можно подвести промежуточные итоги в поисках фактов биографии младшего брата поэта Николая Рубцова.

Родился Борис Михайлович Рубцов 23 мая 1937 года в селе Емецк Емецкого района Архангельской области. На тот момент он был пятым ребенком в семье Михаила Андриановича и Александры Михайловны Рубцовых. Вместе с большой семьей Борис меняет квартиры и города по месту работы отца. После Емецка семья переезжает в Няндому, а затем в Вологду. После призыва отца в армию и смерти матери в 1942 году он вместе с Николаем попадает в Краснодарский детский дом под Вологдой. В 1943 году судьба разделяет братьев, Николая отправляют в детский дом в село Никольское Тотемского района. Однозначно сказать, что они встречались, когда выросли, нельзя, нет точных данных. Одно ясно - попытки найти друг друга у них были. И яркий пример этого - адрес Бориса Рубцова в записной книжке поэта. Всю войну и первые тяжелые послевоенные годы Борис провел в Краснодарском детском доме. Здесь же, по видимому, он и начал ходить в школу. Сколько классов окончил Боря в Краснодаре, пока точно не известно. Борис вполне мог закончить в Краснодаре шесть классов, как он и написал в учетно-послужной карточке «образование шесть классов в Вологде». Напомню, что село Красково недалеко от Вологды. Отец забирает Борю к себе в семью. Кстати, он нашел после войны всех детей, кроме Николая, документы которого в Краснодарском детдоме не сохранились. Но новая семья отца, где уже

было двое своих детей, не очень обрадовалась детям отца от первого брака. И поэтому Бориса взяла к себе сестра отца Александра Андриановна Рубцова, муж которой погиб во время Финско-Советской войны 1939 года, а своих детей у нее не было. Дальше мы вступаем на хлипкий путь воспоминаний и предположений. Но пока это единственная возможность продолжить описание жизни Бориса Рубцова. Период между 1952 и 1957 годами - самый скрытый пока от исследователей. Факты, конечно, есть, но как их расположить в истории жизни Бориса? По воспоминаниям Алексея, сводного брата Бориса, он учился в вечерней школе в Вологде на улице Чернышевского, работал на ВПВРЗ им. Калинина. Затем с тетей Шуры Борис уехал на Север, как говорила Г. М. Рубцова в Мурманск. Но по воспоминаниям Н. М. Щербининой, это был город Никель Мурманской области. Там тетя Шура выходит замуж за Федора Селина и берет его фамилию. Хо-

телось бы подчеркнуть положительную роль в судьбе Бориса Александры Селиной и ее второго мужа Федора. Возможно, именно Федор научил Бориса играть на баяне и гармоне, способствовал его поступлению в ФЗО № 1 в поселке Роста, тогда пригороде Мурманска, провозжал его в армию. 27 июля 1957 года Борис Рубцов призывается в армию Мурманским городским военкоматом. Согласно архивной справке из архива Военно-Морского Флота от 10 сентября 2015 года Борис Рубцов проходил действительную срочную военную службу с 25 ноября 1957 года по 19 ноября 1959 года в 385 военно-строительном отряде Северного флота, который в указанный период дислоцировался в городе Североморске и поселке Гремеха Мурманской области. Говоря простым языком, Борис служил в стройбате, на берегу, отсюда срок его службы только два года. Напомню, что его брат Николай служил на эсминце «Острый» четыре года. Приказом начальника 385 ВСО от 18 ноября 1959 года № 327а Рубцов Борис Михайлович исключен из списков личного состава отряда и уволен в запас в распоряжение Успенского РВК Краснодарского края с 19 ноября 1959 года. Конечно, Борис Рубцов и Дмитрий Олейников могли заехать в Вологду (об этом свидетельствует Н. М. Щербинина) и навестить отца Бориса. По приезде в Успенское Краснодарского края Борис пытается работать на ферме на хуторе Солдатском. Встречает девушку Валю, завязывает с ней отношения, но до свадьбы дело так и не дошло. Видимо, в этот период пишет письма отцу и сестре Галине (наверное, от них и два адреса Бориса в записной книжке Николая Рубцова). После нескольких месяцев работы на ферме устраивается баянистом в клуб в селе Успенском. В Успенском жил около года. Заболел туберкулезом и был отправлен на лечение в один из южных санаториев. Будет большой удачей, если удастся выяснить что-либо о последних днях Бориса Рубцова и найти место его захоронения. Время ухода из жизни Бориса Рубцова (по данным на сегодняшний день) - 1962 год.

Такова канва жизни младшего брата великого поэта Н. М. Рубцова. Автор благодарит всех, кто помогал в поисках. Особенное признание за помощь в написании статьи Татьяне Николаевне Олейниковой и армейскому другу Б. М. Рубцова Дмитрию Тимофеевичу Олейникову.

Почву и судьбу русской поэзии в прошлом веке выдышал гений Рубцова: «Стихи его настигают душу внезапно... Они, как ветер, как зелень и синева, возникли из неба и земли и сами стали этой вечной синевой и зеленью», - вспоминает Александр Романов.

Какова была жизнь поэта в середине 60-х годов можно представить из писем Николая Рубцова А. А. Романову. В них безнадежность, сетование на поэтическую невостребованность, безработица, бездорожье, бездомье, безотцовщина и сиротство. Что же питало тогда его душу?

Оставалась Родина, она была его домом, его судьбой, его поэзией.

Заканчивая заочное отделение Литинститута, Рубцов не имел своего угла. Так жил поэт на творческом взлете конца 60-х и 70-го года. Посмотрим, что же в стихах этих лет? «Светит лампа в избе укромной, освещая осенний мрак... Ночевая! // Глухим покоем // Сумрак души врачует мне, // Только маятник с тихим боем // Все качается на стене» («На ночлеге» 1968). Здесь еще есть то, что мы потеряли: врачующий покой русского дома в сумраке глухой осенней деревни. А суровость шоферского бытия вдруг оборачивается добротой для поэта: «Шоферы уносятся с матом, // Начальству от них не уйти! // Но словно с беспомощным братом, // Со мной обошлись по пути...» Куда уж там современному автоостопу!

Но здесь же и другие прозрения Николая Рубцова. Кроме повсюду согревающего его тепла добрых людей он чувствовал, что «все мы почти над кюветом // Несемса куда-то стрелой, // И есть соотношение в этом с характером жизни самой!» («На автотрассе», 1968).

Он ясно видел, куда мы несемса! Над кюветом, над обрывом, над бездной...

Каждое стихотворение поэта в последние годы жизни - пророчество, высказанное в конце 1968 года в письме к В. И. Другову: «...вряд ли я ошибусь, если скажу, что жизнь зовет к действию». И в стихах: «Но и в мертвых песках без движенья, // Как

Подвиг пути Николая Рубцова

Екатерина КОЗЫРЕВА

подгнетом неведомых дум, // Зреет жгучая жажда сраженья...». Рубцов, как Есенин в свое время, «жил тогда в предчувствии осеннем уж далеко не лучших перемен». Вот уже и «церковь под грозой молчала набожно и свято», а поэт прозрел нынешнюю смуту в России: «Молчал, задумавшись, и я, // Привычным взглядом созерцая // Зловещий праздник бытия, // Смятенный вид родного края...» («Во время грозы» 1968).

Почти через полвека обращено к нам воспоминание поэта о «празднике на этой дороге», где он ничего не кланет и не жалеет скоротечного времени. В свои тридцать два года сиротство свое в детстве и отрочестве он осознает как славное время, как лучшие годы. И в одиночестве, и в бездомье он полон сочувствием Родины. Жизнь для него - пение детского хора, чудное пение, чистое, ладное, совместное с жизнью на Родине, у себя дома.

«Покорная судьбе» поэзия расцвела на родной земле, от почвы пришла она! Природа Рубцова не заменяет поэзию молитвой, она сама есть молитва своим дыханием животворящая весь мир, пронзительно чувствуя вечность неба и земли: «Я слышу печальные звуки, которых не слышит никто» («Прощание» 1969).

Поэзия его стала так значительна сегодня, потому что он чувствовал современность. Открывая ее перед нами со всей остротой: «...Поезд мчался с полным напряжением // Мощных сил, уму непостижимых, // Перед самым, может быть, крушением // Посреди миров несокрушимых... // Но довольно! Быстрое движенье // Все сильнее в мире год от году, // И какое может быть крушение, если столько в поезде народу?» («Поезд» 1969).

Все цитируемые выше стихи свя-

заны с дорогой, с движением, с подвигом пути в России. Предвидение, предчувствование - стихия поэзии Рубцова. Он не написал своего «Пророка», «Завещания», но вся его поэзия есть пророчество и завещание: «Россия! Русь! Храни себя, храни!» - это призыв к подвигу, к движению во имя Родины и ко всему, что на Родине, ко всему, «что творится у себя дома»: к России, к ее территории, к ее народам, ее языкам на всем ее геополитическом пространстве; к Руси, ее истории, ее завоеваниям, к ее поражениям и победам. Он ясно видел «картины грозного раздора» уже тогда, в 1960 году, когда написал свое знаменитое ныне «Видение на холме» и завещал нам хранить себя. Это значит не предавать чужой стране ни клочка своей земли, своей почвы, своей судьбы и своего дома - пусть и в глухом, затерянном краю!

А в последних его стихах так много света, чистоты, святости: *В потемневших лучах горизонта Я смотрел на окрестности те, Где узрела душа Фералонта Что-то божье в земной красоте. И однажды возникло из грезы, Из молящейся этой души, Как трава, как вода, как березы, Диво дивное в русской глуши! И небесно-земной Дионисий, Из соседних явившись земель, Это дивное диво возвысил До черты, небывалой досель... Неподвижно стояли деревья, И ромашки белели во мгле, И казалась мне эта деревня Чем-то самым святым на земле...*

(«Фералонтово», 1970)

Стихи 1970 года, в основном, радости: «...И все ж прекрасен образ мира, когда в ночи равнинных мест // Вдруг вспыхнут все огни эфира, // И летя в душу свет с небес...»

(«Уже деревня вся в тени»), поэт настроен на доброе со-бытие: «Вместе мы накормим кошку! Вместе мы затопим печь!» Осень «ждет чистой, веселой зимы; «пылает пламенем мятежным наследник розы георгина!» Сентябрь «словно бы праздник нагрянул на златогривых конях!»

Есть время «подумать о жизни всерьез». И он думает с такой же веселой энергией, легко отпуская поведья жизни, «да мне дороги нет». И роковое предсказание: «Я умру в крещенские морозы» содержит эту светлую энергию и даже юмор: «уплывут ужасные обломки» гроба. И даже само неверие в покой оборачивается верой в жизнь, в движение, в бессмертие: «Я не верю вечности покоя!» (1970).

Снова в его стихах появляется Гость, но если в 1962 году он ставит вопрос: «Какой же ты, поэт? Когда среди бессмысленного пира // Слышна все реже гаснущая лира, и странный шум ей слышится в ответ?». То в стихотворении «Гость» 1970 года слышится волнение Н. Рубцова: «Что же, что же впереди?» Поэту 34 года, и он говорит гостю, «как же так, в наши годы все прошло...» После этого и следующий вопрос кажется вполне законным: «Неужели Бога нет?»

Эти вопросы к нам, к нашему времени. Тревога нарастает в нем и за свою личную судьбу, и за судьбу поэзии, и за судьбу русской глубинки. Но он старается противостоять сам себе: «Я люблю судьбу свою, // Я бегу от помрачений!» Вспоминая Есенина, Блока, Хлебникова, поэт снова задает тревожные вопросы: «Неужели и они - // Просто горестные тени? И не светят им огни // Новых русских деревенек?»

А ведь, действительно, в 70-е годы жили и здравствовали русские деревеньки, но поэт чувствовал угрозу их существованию, и за этот русский огонек, за этот свет поэзии зрела в нем «жгучая жажда сраженья».

И осталось ему только вспомнить Родину, когда он понял, что «все движется к темному устью», но в воспоминаниях этих все же нет обиды на жизнь-судьбу. Он остался поэтом почвы и судьбы, жгучей смертной связи с Родиной, с Россией, где он был у себя дома.

Дмитрий ЕРМАКОВ

Две дороги Николая Рубцова

Два стихотворения Николая Рубцова не дают мне покоя... Два стихотворения, в которых он, как мне кажется, обозначил путь личный и, думается, что не только личный.

Первое: «Старая дорога». Помните: «Все облака над ней, все облака...»? Это та дорога, на которой «то полусгнивший встретится овин, // То хуторок с позеленевшей крышей...»

И далее: «... Здесь каждый славен - мертвый и живой! И оттого, в любви своей не каюсь, Душа, как лист, звенит, перекликаясь

Со всей звенящей солнечной листвою, Перекликаясь с теми, кто прошел, Перекликаясь с теми, кто проходит...»

Здесь русский дух в веках произошел, И ничего на ней не происходит. Но этот дух пройдет через века! И пусть травой

покроется дорога, И пусть над ней, печальные немного, Плывут, плывут, как мысли, облака...»

Опубликовано это стихотворение в сборнике «Звезда полей», изданном в 1967 году.

Второе стихотворение: «Поезд». «Поезд мчался с грохотом и воем, // Поезд мчался с лязганьем и свистом...» «Перед самым, может быть, крушением // Посреди миров несокрушимых».

«... Вылетает... Дай дорогу, пеший! На разьезде где-то, у сарая,

Подхватил, понес меня, как леший!

Вместе с ним и я в просторе мгlistом

Уж не смею мыслить о покое, - Мчусь куда-то с лязганьем

и свистом, Мчусь куда-то с грохотом

и воем...»

Заканчивается стихотворение обнадеживающе: «И какое может быть крушение, // Если столько в поезде народу?»

Вот две дороги - старая, над которой «плывут, как мысли, облака». И новая - железная, по которой: «По-

не верю я даже Рубцову в этом случае. Да и верил ли сам-то он?... Хотел, может, верить, хотел участвовать в этом «быстром движенье», которое «все смелее в мире год от году», но и боялся его, не принимал душой...

А и как тут душой примешь, если: «...Мчусь куда-то с лязганьем и свистом...» И это человек, у которого на «старой дороге»: «Душа, как лист, звенит, перекликаясь // Со всей звенящей солнечной листвою...»

Когда читаешь стихотворение «Поезд», вспоминается, конечно же, «Баллада о прокуренном вагоне» Александра Кочеткова. Рубцов, наверняка, читал это стихотворение. Написанное в 1932 году, оно было впервые опубликовано в альманахе «День поэзии» в 1966.

Вольно или невольно стихотворение Рубцова вступает в соперничество с «Балладой...» Кочеткова. И... проигрывает. К счастью. В «Балладе...» - крушение случилось, но Любовь победила. И завет-закливание: «С любимыми не расставайтесь...», от того, что крушение было попущено (а стихотворение написано на основе реального события), звучит только сильнее, пронзительнее...

А стихотворению Николая Рубцова при всей внешней убедительности концовки - не веришь.

8 января исполнилось 80 лет постоянному автору «Маяка» Александре Ивановне Мартьяновой. Читателям она памятна еще по публикациям в газете «Вологжане улыбаются» под псевдонимом Сандра Янова. С тех пор Александра Ивановна выпустила более десятка книг. В том числе и книгу воспоминаний о семье Беловых и своем брате - великом русском писателе Василии Белове «Василий, сын Ивана». От души поздравляем Александру Ивановну со славным юбилеем, желаем здоровья и неиссякаемой творческой энергии.
Редакция «Маяка».

Александра МАРТЬЯНОВА

Мама моет пол

(из книги «Василий, сын Ивана»)

жет кто-то.

- Давай мне, - скажет мама, - я люблю с сухой гнилью.

Или в другой раз за столом кто-то молвит:

- Эта сорожина, вроде, пахнет уж...

- Не бросай, дай мне. Я люблю милелую...

Святая простота! Только повзрослев, догадались мы, почему мама подбирала то, что мы откидывали: то подгорелый кусок, то блин, случайно упавший в золу со сковородки, то несъедобную рыбину...

Одно ее заботило: были бы мы сыты, а сама - как-нибудь. Ей достанется, что останется.

Убирая со стола, с радостью благодарит: «Слава Богу, опять сыты».

Да, Бог, благодаря маме, незримо присутствовал, советовал, подсказывал, как следует поступать и чего невозможно допустить ни при каких обстоятельствах.

Поверив на слово самому родному, любимому человеку, что существует он, тайный немой свидетель, который следует за мной всюду, слышит меня, наблюдает, и или поддерживает в добром намерении, или предостерегает от зазорного, запретного поступка, я, как всякий нормальный любящий ребенок, доверялась добрым наставлениям. Они запечатлелись в душе и остались навек во мне.

Василий Иванович привез из Японии поговорку: счастлив тот, кто умеет выполнять любую грязную работу.

В этом мы маме явно уступаем. Слабоваты, признаюсь. Ибо быка за рога берем в труде, который по сердцу. Тут мы упиваемся. Вот мама моет пол перед Новым годом.

На дворе тридцатиградусный мороз. Вася убежал на гору. Нам велено посиживать на печи.

Мама в кофте, платке, опорках. Носит снег в избу. Спешит, захлопывая дверь, но густые клубы белым облаком врываются, скрывают маму.

Мы заворожено помалкиваем, созерцаем, как куча снега на кухне, а потом в комнате растет, снизу начинает подтаивать.

Маме надо успеть натереть пол снегом - это вместе и влага, и дресва. Она начинает шуровать на кухне, под столами, лавками. Подол юбки заткнул, икры голые белеют. Ноги широко расставлены. Руки мелькают, снуют.

Ручьи потекли, снег почернел: надо как можно быстрее собирать и выбросить за крыльцо грязные комья.

Мама носится как птица, руки красные, как гусиные лапы. Нано-

А. И. Мартьянова (Белова) и В. И. Белов

сит новую порцию чистого снега. Задействованы ведра, тазы.

Нам тепло на печи. Нам удивительна смелость мамы. Она вопотела. То и дело выбегает наружу, на мороз.

Действо яростно и прекрасно, не можем оторвать взгляд.

Ни единой жалобы на холод, невообразимую трудность, ни едино-

А. И. Мартьянова

го проклятия судьбе!

Белые клубы доносят и до нас прохладу, только опухнут морозной свежестью.

Вот выброшены последние грязные комья. Убирается ледяная вода. Выжимаются последние тряпки. Затираются последние половицы. Пол, как желток. Он ледяной, мокрый. Нам нельзя спускаться к столу.

Мама приволокла кучу половиков, говорит: «Подождите пока, все ледяное...»

Она затопляет маленькую печку и начинает под умывальником мыться, сбросив все грязное. Мое руки, лицо долго, шумно, а вытирается холщевым рушником так яростно, думаешь, кожу сдерет... Наступила пора окинуть взглядом плоды своего труда. Улыбнувшись, любитесь продавленными половицами, скажет: «Слава Богу, теперь до весны дотянем...» Мы понимаем: мыть будет теперь только на 8 марта. И так еле урвала время. Давно хотела, да все дела да случаи. Руки не доходили.

Половики настланы. Чугун картошки кипит. Дровца в печке трещат. Нам не терпится бежать к столу: рисовать, выстригать, читать. Листать новую книжку, что мама принесла. О фокусах и головоломках.

Вася лупит заиндевелой шапкой по бревну в коридоре, чтобы снег не нести в избу.

Вот мы и за столом. Ужин - чугун картошки.

- Фу, мне гнилая попалась! - ска-

тью обуха не перешибешь!

Я ответил:

- Я знаю, что плетью обуха не перешибешь. Я не хочу бороться с советской властью. Но разве то, что вы делаете с мужиками, это и есть советская власть? Я сам агитировал за образование колхоза и до сих пор не знаю, почему они разбежались. Но я знаю одно: они вольны как организовать колхоз, так и разойтись. Вы, по-видимому, не читали Ленина о крестьянстве. Там ясно сказано - никакого насилия и принуждения не должно быть при организации крестьян в коллективные хозяйства.

Он сначала улыбнулся, а потом строго:

- Ишь, какой грамотный! Кроме него никто и не читал Ленина. А Ленин ничего не сказал, как поступать с теми, кто разлагает колхоз?!

- По крайней мере, это не относится ко мне. Я не был, когда они решили разойтись.

- Так вот, парень, теперь остается одно. Ты их смутил, ты и уреди их обратно восстановить колхоз. Другого пути у тебя нет! Другой путь ведет тебя к петле.

- Я даром не дамся.

- Воевать собрался против советской власти, запугиваешь нас?!

- Вы меня запугиваете петлей, а я обороняюсь против ваших угроз. И не примешивайте к своей деятельности советскую власть.

С тем я и вышел из кабинета, не спросив его разрешения.

В стенгазете сельсовета я прочитал статью «Яблоко недалеко падает от яблони», в которой обвинялся отец в развале колхоза, а я - как бунтарь, призывающий к восстанию.

Я не испытывал никакого страха, был ко всему готов. А мужики все совещались - как быть? Ходили жаловаться на Глухова в райисполком, а там им ответили, что Глухов является самым грамотным и честным партийным работником и он не может совершить никакой ошибки. «Вы сами натворили, сами и исправляйте, а то вас всех засудят». «За что же отбирают у нас лошадей, коров, фураж?». Отвечали: «Так надо по закону».

Продолжение следует.

Редактор выпуска Дмитрий ЕРМАКОВ.

Создание колхоза «Совет» и его развал

Весной 1931 г. началась усиленная агитация за объединение в колхоз крестьян нашей деревни. Агитаторы не выходили из деревни, собирали сходки, агитировали многих по отдельности, привозили колхозников из ранее созданных колхозов...

Наши мужики уже имели опыт коллективного труда: зимами они работали артелью по заготовке льда в городе, иногда артелью работали на лесозаготовках, на молотбе зерна. Но это работы временные, когда заранее все договорено, никаких неясностей нет. Мужики вообще договаривались очень основательно, чтобы после не возникло никаких неясностей.

Агитаторы уверяли их, что все это они запишут в уставе, а выгода работы в колхозе заключается в том, что лучше можно использовать рабочую силу, легче покупать машины, больше будет помогать государство.

Кто первым изъявил желание вступить в колхоз, я точно не помню, но первую группу помню. Это были: А. Д. Чуранов, Д. А. Леонов, П. Д. Леонов, Х. Д. Леонов, А. И. Леонов, но все они дали согласие при условии, если большинство также даст согласие. И вот началась обработка других членов, в которой принимал участие и я. Хотя я и чувствовал, что мы отступаем от Ленина, но думал, мужики, если захотят, то уживутся. Наконец, абсолютное большинство дали согласие записаться в колхоз, и на очередной сходке заявили: «Если Василий Золотов не запишется, то мы тоже не запишемся». А это был мой отец, его уважали в деревне и считали честным и умным. Мне поставили условие: «Не приходи и не агитируй, пока не сагитируешь своего отца».

Отец мне заявил: «Все равно ничего не получится, все переругаются и разбегутся, особенно мужики из слободы». Но после долгих угворов все же согласился: «Я присоединяюсь к большинству».

В тот же день собрали сход, на котором и оформили организацию нового колхоза. Колхоз назвали «Совет», назвавием как бы подчеркива-

Записки вологжанина

(Продолжение. Начало в «Маяке» №№ 53, 65, 75, 85, 91, 100 за 2015 год)

ли основную проблему успеха - совет да любовь. Избрали правление из трех человек: Леонов Александр Яковлевич, Чуранов Анатолий Дмитриевич и Золотов Василий Александрович. Председателем избрали Золотова и очень неудачно. Отец не переносил скандалов и потому был уступчив. Счетоводом избрали Анатолия Дмитриевича Чуранова. Тут же выработали устав и ряд договоренностей - о трудоднях за озимые и многое другое. Сход был очень деловой, пустозвона, какой сейчас процветает на съездах и конференциях, на колхозном собрании не было.

Лучшим кандидатом в председатели колхоза был Александр Яковлевич Леонов, но он был очень резким и ершистым, и потому многие с ним не уживались, даже враждовали. Поэтому его кандидатура не прошла.

Лето работали с подъемом, весело, дисциплина была хорошая, особенно нравилось молодежи. На покосе становились один за другим, тут не отстанешь, никто не хотел прослыть неумелым или ленивым. Вот где было соревнование подлинное, без хвастовства и формализма. Лето и осень прошли в дружной работе, ничего не предвещало беды.

Проработал я все лето и осень, работы в колхозе на всех уже не хватало, да и я почувствовал, что меня такая работа не удовлетворяет. В октябре в газете появилось объявление о месячных курсах радиомонтеров, куда с благословления отца я и подался. В семье и без меня было много работников.

Однажды вернувшись из города, я узнал, что мужики приняли решение о роспуске колхоза, как и говорил отец - не ужились. И вот приехала какая-то комиссия по этому поводу...

Сходка-собрание находилось на противоположном конце деревни

в доме Василия Павловича Леонова. За столом и по лавкам сидели начальник политотдела МТС Глухов, председатель сельсовета, представитель райисполкома, председатели соседних колхозов - Скороходов Д. И. и Надеевского колхоза (фамилию забыл), а также человек шесть колхозников из этих колхозов. Я тихо зашел в дом. Наши мужики сидели на скамейках позади, часть мужиков и женщины стояли за спиной скамеек. Была тишина, мужики сидели, опустив головы.

- Так что, мужики, надо решать. Вам все объяснено, всем должно быть ясно, и, если вы упорствуете и не хотите исправить свою ошибку, тогда приступим к делу. Товарищи председатели, приступайте к приему недельного фонда разваленного колхоза. Согласно зачитанному здесь распределению, я думаю, сегодня вы можете принять лошадей и коров, а фураж и семена в следующие дни, - говорил Глухов.

Раздались всхлипывания женщин и плач, мужики молчали, опустив головы. Тогда я быстро вышел вперед сидевших мужиков, во мне все не годовало...

- Как это отобрать у мужиков их основное богатство? Спрашивается - за что? Какое они сделали преступление? Добровольно объединились в колхоз. Не ужились, решили разойтись. Так это их личное дело, государство от этого не пострадало. Они ничего не взяли у государства, налоги уплатили. За что же отбирать у них лошадей, коров, заработанных многолетним тяжелым трудом? Без лошади и коровы крестьянину не прожить. Они должны со своими семьями умереть? И вы это делаете от имени советской власти! Нет, это не советская власть! Это власть, которая хуже царских жандармов, хуже самых диких крепостных помещиков. Даже жандармы за недомки не осмели-

вались у крестьянина отбирать лошадей и коров! И это все вы называете советской властью? Так знайте, кто посмеет взять хоть одну лошадь или корову, получит от меня пулю! И всех, кто будет отбирать лошадей или другое, я буду стрелять, пока буду жив!

Я выбежал из избы, прибежал к себе домой, схватил отцовскую берданку и патронш - и в виню. Пути отступления я обрезал себе сам. Поэтому решил не отступать. Передвигаясь скрытно, я наблюдал за обеими дорогами, как в Надеево, так и в Лоптуново.

Долго еще не расходилось собрание. Что там говорили и решали, я не знаю до сих пор. Спрашивать стеснялся, но ни одна лошадь или корова в тот вечер уведена не была.

Всю ночь и следующий день я скрывался. Следил, нет ли в деревне людей, посланных для моего ареста. Наконец, пошел домой. Отец не сказал мне ни одного слова и вообще не разговаривал со мной много дней. Он не мог представить себе, как можно быть таким дерзким.

Все, вроде, затихло, в деревню никто не являлся из представительской властью. Мужики собирались группами, о чем-то советовались. Я на их совещания не ходил, но ждал, что должны приехать и арестовать меня.

Так прошла неделя, а может быть, дней десять. Мне пришла повестка: «Явиться в сельсовет к начальнику политотдела МТС т. Глухову».

Захожу в его кабинет. Он сидит за письменным столом, предлагает мне сесть напротив.

- Как думаешь жить дальше? Изменил ли свое мнение на колхоз или думаешь бороться с советской властью с оружием в руках? Прочитаешь ли, парень. Советская власть сильна, и запомни: пле-